

Мегаполисы как субъекты политики: история и современность

Иван Федякин

Одной из тенденций глобального развития, сохраняющей устойчивую динамику на протяжении последних нескольких десятилетий, является, с одной стороны, рост числа городов, а с другой – увеличение количества проживающего в них населения. Сегодня все больше и больше людей во всем мире живет в крупных и непрерывно растущих городах, концентрация населения в них постоянно увеличивается.

В ряде крупнейших городов планеты – мегаполисах – число жителей приближается к 15 млн чел., городов с населением в 5–10 млн насчитывается уже не один десяток, а счет городам-миллионерам идет на сотни, если не на тысячи. Более того, в отдельных плотно населенных районах возникают сросшиеся на обширных территориях группы населенных пунктов, в которых стираются различия между городским и сельским населением, типом культуры, стилем жизни, психологией, бытом.

Бурное развитие мегаполисов оказалось одним из важнейших явлений последнего столетия, превзойдя все имевшиеся прогнозы и ожидания и тем самым обретя черты серьезного вызова человеческой цивилизации. Урбанизация, начавшись в XIX в. в Западной Европе и Северной Америке, в первой половине XX столетия охватила уже все регионы планеты, а после 50-х годов стала явлением, названным «городской взрыв».

ФЕДЯКИН Иван Владимирович – кандидат политических наук (кафедра «Политология, история и социальные технологии» Московского государственного университета путей сообщения). *E-mail*: savina.moskva@mail.ru

Ключевые слова: возникновение городов, мегаполисы, политические субъекты, урбанизация.

За последние пять-шесть десятилетий во всех уголках земного шара происходило значительное ускорение темпов роста городского населения, многократное увеличение числа больших городов, быстрый рост численности и влияния городских агломераций, увеличение количества агломераций-миллионеров. Эти процессы шли столь стремительно, что профильные научные учреждения, экспертные и правительственные организации не успевали осуществлять более или менее точный учет количества мегаполисов и численности их населения. Имеющиеся к настоящему моменту в научной и справочной литературе данные либо весьма разнятся, либо носят очень приблизительный характер.

В настоящее время можно говорить о том, что на Земле более 4 тыс. больших (с населением свыше 100 тыс. чел.) городов, 10% которых являются городами-миллионерами, и порядка 20–30 – мегаполисов (с населением 8–10 млн чел. и больше).

Кроме того, доля горожан всего населения мира, равно как и отдельного государства (или его конкретного региона), уже не является четким показателем масштабов реального распространения городского образа жизни. Благодаря субурбанизации, распространяющейся на прилегающие к городам пригородные зоны, а также рурбанизации, т.е. переноса городских форм и условий жизни на исконно сельскую местность, «городской взрыв» в той или иной мере затронул уже значительно большую часть населения отдельных стран и мира в целом.

Сегодняшний бурный рост городов при всем своем позитиве для от-

дельного индивида и целых социальных слоев (увеличение возможностей для личного и группового роста, повышение индивидуальной и групповой мобильности, улучшение условий труда и отдыха, высвобождение большого количества времени для удовлетворения индивидуальных потребностей и запросов и т.д.) вызвал обострение уже имевшихся и появление целого ряда новых проблем, многие из которых выходят за рамки собственно городской черты, обретая масштаб общенациональных и даже глобальных.

Не секрет, например, что медицинские работники говорят о неуклонно увеличивающемся негативном воздействии городской среды на физическое и психическое здоровье человека.

Экологи бьют тревогу по поводу колоссального загрязнения окружающей среды, источником которого являются крупные города.

Специалисты в области транспорта все чаще констатируют трудности в решении задач по перемещению постоянно растущего городского населения на увеличивающиеся расстояния.

А архитекторы и планировщики подчас просто не успевают взамен стремительно устаревающих жилых районов, переставших отвечать требованиям времени, проектировать и строить новые, удовлетворяющие последним критериям качества жизни.

Данные обстоятельства не могли не затронуть и область политики. Нахождение в ней своего специфического преломления и выявления проблем, связанных с формированием и развитием городов в целом и мегаполисов в частности, а также поиск значимых для общества и государства приоритетов и моделей такого развития при регулировании его количественных и качественных

характеристик политическими механизмами без преувеличения может считаться одной из остроактуальных задач современной политологии.

Подавляющее большинство городов на планете имеют свою историю, насчитывающую иногда столетия и даже тысячелетия. Каждая эпоха и каждое новое поколение городских жителей преобразовывали – как сознательно, так подчас и весьма стихийно – среду своего обитания, приспособляя полученные в наследство от предшественников города под новые потребности, то сохраняя следы прошлого в первозданном виде, то несколько обновляя их, а то и вовсе отказываясь от них, полностью реформатируя жизненное пространство. И действительно, раннефеодальное общество строило свои города на развалинах античных, буржуазно-капиталистический город вырастал из недр средневекового, а современные города являют собой результат развития прошлых эпох, но с новыми возможностями – техническими, финансово-экономическими, технологическими, информационными, управленческими, кадровыми и т.д.

Древние города (до V в.) включали в себя ряд особенностей, предопределивших возникновение и возрастание политической роли крупных городских поселений.

Так, одной из древнейших историко-географических форм городов являлись так называемые *города-крепости*, представлявшие собой резиденции деспотических глав племен¹.

Процесс урбанизации в этот период протекал по принципу: сколько деспотов-правителей, столько и городов. Возникновение таких поселе-

ний происходило в эпоху перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому. Оно было связано с углублением общественного разделения труда, когда из всего населения, занятого главным образом сельскохозяйственным трудом, выделились представители государственной власти, жрецы, крупные землевладельцы и т.п.

История становления древних городов как политических центров позволяет выделить две ключевые историко-географические формы: древневосточную и античную, каждая из которых имела свои особенности. Древневосточная городская форма была призвана обеспечить исключительную власть деспота, в том числе за счет культурных достижений. Такой тип города основывался на поголовном рабстве крестьян в восточных деспотиях². Социальная структура этих городов имела однородный характер, а все социальные различия, за исключением представителей власти, были несущественны. Именно в этот период появляются зачатки законодательства и системы управления (разумеется, первоначально – исключительно силового управления).

Вторая форма городов как политических центров относится к античному периоду и связана со становлением так называемых *городов-государств*.

Основываясь на античной системе рабства, на принципе разделения рабов и свободнорожденных, города-государства (главным образом, греческие полисы) приобретали важное стратегическое значение, господствуя на окружающей территории и обладая помимо экономико-хозяй-

ственной функции также и административной. Полисы становились местом сосредоточения могущественной государственной власти, включающей различные институты контроля и управления (правительственный аппарат, армию и др.). Это создавало предпосылки для возникновения крупнейших городов.

Зародившаяся в греческих и римских городах-государствах муниципально-общинная форма управления и самоуправления оказала серьезное влияние на формирование в поздних городах центров административно-политического влияния.

В этом контексте характерен Рим как первый мегаполис (к I в. его население составляло более 1 млн чел.), а также прообраз современных государственных систем правотворчества и муниципальной системы управления.

С V столетия в Европе начинают формироваться города феодального общества. С усилением разделения общественного труда в X–XI вв. намечаются новые урбанизационные процессы, города приобретают иные формы и инфраструктуру, однако серьезных политических центров после упадка Рима не возникает.

Спустя несколько столетий больших размеров достигают лишь некоторые столичные и крупнейшие города Европы (Париж, Москва, Венеция, Лондон, Мадрид и др.) и Азии (Чаньян, Кайфин, Дели, Гаунчжоу и др.).

В определенном смысле европейскую историю позднего Средневековья и начала Нового времени можно рассматривать как процесс конкуренции между двумя типами государственных образований – союзами городов и формирующимися

нациями-государствами. Основой последних являлась вертикальная бюрократическая организация, воплощением которой была власть монарха³.

Города, сохранявшие большую степень политической автономии, вполне ассоциировались с античными городами-государствами. Ограниченность территорий и количества населений таких городов-государств сказывалась на социальной структуре, отличая их тем самым от других государственных образований. Основное отличие состояло в том, что социальные сети в городе-государстве формировались на основе семейно-клановых отношений, а внутренняя политика в средневековых городах определялась борьбой за власть между этими кланами (например, во Флоренции и Генуе)⁴.

Такого рода сетевой принцип организации политики был главным отличием городов от государств, где политический процесс строился за счет иерархичной модели подчинения (например, в феодальных государствах) и сложной бюрократии (например, в абсолютных монархиях)⁵. Позднее институционализация семейно-клановой модели политики в городах заложила основы современных демократических режимов, как в случае с Нидерландами и Швейцарией. Однако подобная траектория развития политической системы была крайне редким явлением, уступая место иерархичной системе реализации политики.

С середины XVII в. идет стремительный рост городов, связанный с развитием капиталистических отношений и демографическими процессами. Зарождается урбанизация в

современном смысле этого слова. С 952 млн чел. в 1800 г. население мира увеличивается до 1656 млн чел. в 1900 г.² В наиболее развитых государствах численность населения, проживающего в городах, достигало 40–70% (Англия, США, Франция, Германия). В этот период появляются первые (после Рима) города-миллионеры: Лондон, Париж, Нью-Йорк, Санкт-Петербург, Москва, Вена, Чикаго.

Возникновение в XX в. феномена городов-мегаполисов вновь актуализировало проблему пространственно-иерархического распределения политико-административного ресурса и новой модели формирования центров экономического развития. В современной политике вновь возрастает роль социальных сетей, что связано с усложнением общественного взаимодействия и наличием тесного сосуществования различных социальных групп на территории одного мегаполиса.

Все это позволяет сравнить современные города с важными узлами подобных социальных сетей, формирующими и задающими определенную динамику общественно-экономического развития. Крупные города в данном случае могут рассматриваться как центры роста (*growth center*)⁶, что характеризует их как географическую интерпретацию важнейших полюсов роста (*growth pole*). Это означает, что в мегаполисах локализируются компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности, отдельные предприятия, высококвалифицированные специалисты, неоднородные социальные группы, которые образуют в своей совокупнос-

ти «импульс развития», оказывающий особое влияние на территориальную структуру экономики. В этой связи уместно говорить о значении мегаполисов в процессе концентрации и трансляции нововведений (инноваций).

Теория диффузии инноваций (нововведений), предложенная в рамках пространственно-временной концепции Т.Хагерстранда⁷, предполагает наличие так называемых локальных оптимумов – оптимальных точек в географическом пространстве, где объекты инновационного характера функционируют наилучшим образом.

Крупные города являются такими «оптимумами», центрами инновационной диффузии, распространяющими на окружающую периферию потоки энергии, информации, задающими «тренды» в направлениях экономического и общественного развития. Именно в мегаполисах концентрируются квалифицированные научно-технические и производственные кадры, высокий уровень образования и культуры, наилучшие возможности для обмена информацией, развитые научные, финансовые и экономические базы.

Крупнейшие города имеют возможности для обеспечения инновационной диффузии как расширения, так и перемещения⁶. Через организованную последовательность соподчиненных градаций происходит передача нововведений от крупных городов к средним и мелким. Иерархическая система городов как ключевых центров инноваций включает в себя наиболее развитые центры – генераторы нововведений и зависимые центры более низкого ранга.

Следовательно, значение мегаполисов в процессе трансляции инноваций является решающим: согласно иерархической модели Хагерстранда, движение нововведений к периферийным районам всегда начинается в более крупных городах.

В данном контексте уместно соотнести современные крупные города с концептом «центральное место», разработанным в географической и социальной науках.

Теория центральных мест была изначально предложена немецкими учеными В.Кристаллером и А.Лёшом и впервые озвучена в работе 1933 г. «Центральные места в Южной Германии»⁸.

Под центральным местом понимается крупный город, центр для всех других населенных пунктов определенного района (региона), обеспечивающий их главными товарами и услугами. В широком смысле концепт центрального места по отношению к крупным городам может использоваться для определения роли мегаполисов в функционировании территориальной организации общества и административно-управленческой системе.

Мегаполис становится на сегодняшний день фактически одной из единиц, полноправным субъектом глобальной и национальной политики. Несомненно, было бы преувеличением считать, что крупный город начинает соперничать с государством в формирующейся новой политической структуре мира. Тем не менее его роль крайне важна именно в выстраивании данной структуры.

В прошлом развитие города, а также его политическая активность

складывались стихийно. Сегодня эта вовлеченность в политику может и должна осуществляться направленно. Впрочем, характер этого процесса еще не предопределен: вопрос заключается в том, насколько участие в политике будет оправдано с конкурентной точки зрения для города и политической системы мира в целом. Наиболее конкурентоспособными окажутся мегаполисы, способные сформулировать принципы, на которых они смогут завязывать межсетевые узлы (например, транспортные и финансовые, интеллектуальные и производственные ресурсы и т.п.).

В этой связи смысл международной деятельности мегаполисов и крупных городов (или так называемая «дипломатия городов») принципиально меняется.

Традиционно она была связана с обменами культурными программами и заключением выгодных торговых соглашений. Теперь же в первую очередь стоит задача вписывания мегаполиса в глобальное (мировое) пространство. Уже сегодня мы видим своеобразное «разделение труда» между мегаполисами.

Так, Лондон стал финансовой столицей не только Великобритании, но и мира в целом (оставаясь также и театральной столицей), Женева – в значительной мере мировой дипломатической, а Брюссель – европейской (региональной) столицей⁹.

Итак, процесс глобализации как нигде происходит в городах. Одновременно города – самые яркие проявления глобализации¹⁰. Внутренняя трансформация мировых городов во многом определена их международными функциями. Самым конкретным и ощутимым примером могут

служить деловые кварталы, башни и небоскребы, которые являются символами мирового масштаба этих городов. Одновременно со встраиванием в глобальное измерение перед крупным городом стоит задача не потерять своего места в национальном пространстве. Данный вопрос является особенно острым для приграничных городов. Нередко ориентация на трансграничные процессы оказывается столь значимой, что возникает опасность утраты национальной идентичности.

Так, североитальянские города больше тяготеют к Швейцарии, чем к югу Италии. Расположенные на противоположных концах России Владивосток и Калининград также сталкиваются с вызовами регионализации.

В глобальном плане следует ожидать, что вследствие продолжающейся трансформации международной политической системы, обозначенные выше процессы будут усиливаться, а вместе с ними будет возрастать самостоятельная, в том числе политическая, роль мегаполисов. Проблема заключается в том, чтобы сделать этот процесс управляемым и избежать при его разворачивании хаотичных действий, чреватых нестабильностью и конфликтами.

Однако при всех впечатляющих темпах урбанизации и «мегаполизации» планеты на повестке дня оказывается целый комплекс вопросов теории и практики, имеющих как общий, так и частный характер, но так или иначе затрагивающих область практической политики в ее внутреннем и внешнем измерениях.

Рост мегаполисов – это благо или проблема для современных национальных государств?

Являются ли мегаполисы «точками роста» национальной экономики в целом или же они – черные дыры, выкачивающие ресурсы из других уголков страны и тем самым усиливающие межрегиональные диспропорции?

Что лучше с точки зрения национальной безопасности и политической стабильности – концентрация населения страны в 2–3 больших городах или рассредоточение его по всей территории?

Можно ли использовать формирование мегаполисов в качестве инструмента освоения новых территорий, включая труднодоступные и удаленные?

И вообще, может ли мегаполис быть объектом государственной политики, целенаправленного воздействия со стороны властных органов и структур, определяющих основные направления и приоритеты его развития, их форму и содержание?

На эти вопросы пока что нет однозначных ответов. Ни география в лице ее отдельных отраслей (прежде всего геоурбанистики или географии городов), ни экономическая наука в рамках конкретных направлений (экономика и управление народным хозяйством и т.д.), ни демография с ее научными школами и прикладными методиками (статистической, математической и т.п.), ни государственное и муниципальное управление в виде тех или иных разделов (муниципалистика), ни, наконец, политология с ее направлениями (политическая регионалистика, региональная политика и др.) при всей их эвристической значимости и серьезности имеющих у них теоретико-методологических и приклад-

ных наработок еще не сформировали исчерпывающих и самодостаточных подходов к осмыслению происходящего.

Но отсутствие готовых ответов, нечеткость ориентиров научного поиска, размытость методологического инструментария – еще не повод отказы-

ваться от разработки столь серьезной и остроактуальной темы. Наоборот, именно в таких объективно заданных начальных условиях научная работа может привести к новым фундаментальным знаниям, нешаблонным концептуальным схемам, нетривиальным выводам и обобщениям.

Какие выводы позволяет сделать анализ становления и развития мегаполисов как субъектов политики?

Во-первых, крупнейшие города мира не только больше своих предшественников, но и обладают более сложной организацией.

Сегодня идет процесс возникновения крупных городских агломераций, которые выходят за пределы одного города: формируются целые города-регионы, а появление столь крупных мегаполисов обуславливает новую динамику урбанизации.

Во-вторых, долгая эволюция историко-географических форм городов как политических центров в совокупности с демографическими, экономическими и социальными процессами обусловила возникновение сложных городских систем, каковыми являются мегаполисы, с концентрированием в них важнейших административно-управленческих, общественных, финансово-экономических, производительных институтов.

Эти аспекты позволяют говорить о мегаполисах как о локализованных «точках» развития и роста, играющих выдающуюся роль при формировании и трансляции нововведений (инноваций), консолидации и развитии конкуренции между ключевыми агентами политического и экономического процессов.

В-третьих, усиливающаяся глобализация и все большая открытость государственных границ позволяют мегаполисам выходить на международно-политический уровень.

Крупнейшие города мира на сегодняшний день концентрируют огромные капиталы, трудовые и производственные ресурсы, становятся узлами сетевого информационного пространства. Все это дает возможность фиксировать появление глобальных городов, значение которых для мирового развития практически сравнимо со значением национальных государств. Современные мегаполисы – это «ворота в глобальный мир».

Многообразие крупных городов и их функциональные особенности требуют подробного анализа для выявления места и роли мегаполисов в политических процессах разного уровня, а также выработки системы концептуальных принципов формирования и развития крупных городов.

Примечания

¹ *Замятин Д.М.* Географические образы мирового развития // *Общественные науки и современность.* 2001. № 1.

- ² Перцик Е.Н. Геурбанистика. М.: Академия, 2009. С. 72, 73.
- ³ Spruyt H. The Sovereign State and it's Competitors. An Analysis of Systems Change. Princeton, 1994.
- ⁴ Epstein S. Genoa and the Genoese. L., 1996. P. 958–1528; Hyde J. Society and Politics in Medieval Italy. L., 1986.
- ⁵ Сергеев В.М., Сергеев К.В. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Полис. 2003. № 3.
- ⁶ Голубчик М.М. Теория и методология географической науки. М.: ВЛАДОС, 2005. С. 326, 322–323.
- ⁷ Hägerstrand T. Innovation diffusion as a spatial process / Translated by A. Pred. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
- ⁸ Christaller W. Die Zentralen Orte in Süddeutschland. Eine Ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Vorbereitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena, 1933; Лёв А. Географическое размещение хозяйства / пер. с нем. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
- ⁹ Ворота в глобальную экономику / под ред. О.Е.Андерссона и Д.Е.Андерссона / пер. с англ. М.: Фазис, 2001.
- ¹⁰ Short J.R., Kim Y.-H. Globalization and the city. Harlow: Longman, 1999. P. 80–94.

**Подписка на 2013–2014 гг.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год